

№ 36

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙМАНЪ.

Цена на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Розанчикъ. (Волшебная сказка).
 Вѣры Желиховской. — II. Пѣснька луннаго луча.
 (Стих.). Guy de Maupassant. — III. Коралловый островъ
 на Тихомъ океанѣ. А. С-вой. — IV. Роза. Е. Воров-
 диной.

РОЗАНЧИКЪ.

Волшебная сказка.

ИЛИ-БЫЛИ двое дѣтей, братъ да сестра, съ отцемъ и матерью въ большемъ деревенскомъ барскомъ домѣ у опушки дремучаго лѣса. Домъ этотъ стоялъ среди стариннаго сада и былъ окруженъ роскошнымъ цвѣтникомъ изъ всевозможныхъ породъ розановъ, разливавшихъ

даже до лѣса упоительный аромат. Дѣвочка не могла наслаждаться, не могла насмотрѣться на нихъ, и проводила цѣлые часы со своими милыми розами, поливала ихъ, очищала отъ увядающихъ листочковъ, отъ мошекъ и гусеницъ, и наконецъ стала просить мать одѣвать ее въ розовыя платьица, чтобы походить на друзей своихъ. Ей надѣлали розовыя платьица всѣхъ оттѣнковъ, начиная отъ блѣдно-розоваго до малиноваго, и въ самомъ дѣлѣ, когда дѣвочка, сама нѣжная и розовенькая, гуляя въ цвѣтникѣ, среди розовыхъ кустовъ, склонялась то къ одному, то къ другому распустившемуся цвѣтку, то ее нельзя было отличить отъ нихъ, поэтому ее и прозвали „Розанчикъ“.

Братъ и сестра очень любили другъ друга, играли и читали всегда вмѣстѣ, то въ саду, то у свѣтлаго пруда въ опушкѣ лѣса, иногда забѣгали и въ самый лѣсъ, несмотря на то, что родители имъ это запрещали, опасаясь чтобы они не заблудились тамъ. Кромѣ того носился слухъ, что въ темномъ лѣсу, какъ прозывали въ народѣ этотъ боръ, живетъ старая волшебница, которая не любитъ людей, особенно же дѣтей, прислушивается къ ихъ разговорамъ, стараясь найти въ нихъ предлогъ, къ которому могла бы придратъся, чтобы надѣлать имъ огорченія и даже вредъ.

Рѣдко кто видалъ эту волшебницу въ ея настоящемъ видѣ, но многіе увѣряли, что видали ее кто—совой, кто—летучей мышью, кто—кукушкой, и узнавали по недоброму взгляду и сердитому голосу.

Люди образованные не вѣрили этимъ рассказамъ, смѣялись надъ ними, поэтому, и дѣти забираясь украдкой въ лѣсъ, увлекаемые его прохладой и таинственностью, боялись не волшебницы, а выговора или наказанья за ослушаніе.

Стояла прекрасная весна. Розы цвѣли восхитительно, распространяя волшебный запахъ. Лѣсъ опушенъ былъ юной зеленью, легкій весенній вѣтерокъ слегка шелестилъ ихъ вершинами; разнообразный мохъ живописно разстилался у подножія деревьевъ, по немъ пестрѣли рыжеватый кукуш-

кинъ лень; изъ травы выглядывали тысячи лиловыхъ фіалокъ и бѣлыхъ ландышей, а у пруда, около канавокъ и лужицъ, развѣтывались широкіе листочки кукушкиныхъ слезокъ и густыя группы ярко-голубыхъ, крупныхъ незабудокъ,—все въ этомъ лѣсу было до того свѣжо, красиво и полно жизни, что не было возможности противиться его притягательной силѣ. Народъ же говорилъ, что это старая волшебница заманиваетъ.

Однажды въ жаркій полдень дѣти, гудя около пруда въ опушкѣ лѣса, увлеченныя его прохладою, цвѣтами и голосами птицъ, пробрались изъ чащи поглубже и помѣстились на молодой травкѣ, близъ развѣсистой, душистой березы, подъ густымъ ольховымъ кустомъ. На розовое платице дѣвочки смѣло вползали букашки, гусеницы, и опускались бабочки,—можетъ онѣ принимали ее за цвѣточекъ. Добро-сердечная дѣвочка, улыбаясь, ласково смотрѣла на нихъ, любовалась блестящими крылышками мотыльковъ, любовалась какъ онѣ, уцѣпившись, лапками за цвѣточекъ, качались на немъ по волѣ вѣтерка, или грѣлись на солнышкѣ. Всему въ природѣ она желала счастья, и не могла повѣрить, чтобы на свѣтѣ были недобрые люди и недобрые звѣри, которые вредятъ тѣмъ, кто ихъ слабѣе. Неподалеку отъ Розанчика братъ ея игралъ, стрѣляя изъ лука. Ловкій, смѣлый мальчикъ часто ходилъ съ отцемъ своимъ на охоту и на рыбную ловлю. Сестра съ сожалѣніемъ смотрѣла на убитыхъ или раненыхъ птичекъ и трепещущихъ въ ведрѣ рыбокъ и не разъ случалось ей спасать тѣхъ и другихъ.

— Милый мой Розанчикъ, иногда говорилъ сестрѣ мальчикъ, который былъ на три года старше ея, ты всѣхъ любишь и жалѣешь, будутъ ли тебя также любить и жалѣть, а когда я вырасту и уйду на войну, то некому будетъ и охранять-то тебя.

— Ничего! кротко отвѣчала дѣвочка, какъ нибудь проживу! да за что же и обижать-то меня, когда я всѣмъ счастья желаю. Это было бы несправедливо—а потому думаю и невозможно.

Все возможно, возразилъ братъ, для тѣхъ кто сильнѣе, а ты такая безсильная.

— Сила, отвѣчала Розанчикъ, не въ силѣ, а сила въ правдѣ.

Уставши стрѣлять, мальчикъ растянулся на молодой травкѣ подъ тѣнью березы. Въ это мгновеніе въ воздухѣ показался орелъ.—Смотри, вскричалъ мальчикъ сестрѣ, какъ величественно паритъ могучая птица; всѣ пташки въ испугѣ разлетаются отъ него въ разныя стороны. Вѣроятно онъ уже намѣтилъ которую нибудь изъ нихъ себѣ на завтракъ... Хорошо быть сильнымъ и могущественнымъ!

— Куку! куку! прокуковала надъ дѣтьми кукушка, такимъ голосомъ, какъ бы соглашаясь съ нимъ.

— Хорошо быть добрымъ и справедливымъ! сказала дѣвочка.

— Куку! куку! куку! точно съ насмѣшкой прокуковала кукушка, сверкнувъ недобрымъ взглядомъ на Розанчика изъ чащи листьевъ.

— Откуда это залетѣла къ намъ кукушка! сказала дѣвочка. Я люблю слушать издали ея заунывное кукованье; но она не добрая птица, она никого не любитъ.

— Какъ не любить!

— Конечно! она несетъ яйца въ чужія гнѣзда, стало быть не хочетъ знать своихъ дѣтей, а не хочетъ знать,—значить не любитъ. Можетъ ли любить и жалѣть кого нибудь тотъ, кто даже дѣтей своихъ знать не хочетъ.

— Куку! куку! сердито отозвалась кукушка.

— Кукушка точно отвѣчаетъ тебѣ, смѣясь сказалъ мальчикъ, берегись, чтобы она не заклевала тебя, какъ я уйду. Ты слабѣе кукушки.

— За что ей клевать меня, возразила Розанчикъ, я говорю правду, а сила не въ силѣ, а въ правдѣ.

— Куку! куку! куку! прокуковала птица такимъ голосомъ, какъ будто говорила, неправда! неправда! неправда!

— Ну! право, птица разговариваетъ съ нами, вскричалъ мальчикъ.

— Правда твоя! что-то страшно, не отогнать-ли ее подальше.

Только что мальчикъ всталъ, чтобы спугнуть птицу, какъ послышался голосъ отца, который звалъ его идти на озеро за утками, и онъ опрометью бросился на его зовъ, не позаботивши что станется съ сестрой.

А что же съ ней случилось?

Розанчика вдругъ не стало или почти не стало. Она мгновенно скрылась подъ слетѣвшимъ на землю ольховымъ листкомъ. Оглушенная паденіемъ на нее листочка, она лишилась чувствъ, а когда пришла въ себя, то ей показалось, что все вокругъ нея разомъ выросло до огромныхъ размѣровъ. Но это былъ обманъ зрѣнія, все оставалось какъ и было; одна она уменьшилась до величины своего ногтя на мизинцѣ. Открывши глазки, она увидала передъ собой сгорбленную старушку, которая, опираясь на палочку, бормотала сердитымъ голосомъ:

— А! а! негодная дѣвчонка! это я была кукушкой, а ты смѣла осуждать кукушекъ, ты хотѣла прогнать птицу, которая тебѣ ничего не сдѣлала, а толкуешь что сила въ правдѣ; видишь—сила-то въ силѣ, я сильнѣй тебя, вотъ ты и стала съ букашку, поживи-ка какъ мошка, потомъ и разсуждай. Я бы могла на мѣстѣ раздавить тебя, но... все равно, это сдѣлаютъ за меня и другіе, а я объявляю тебѣ, что ты получишь свой прежній видъ только тогда, когда совершишь три „великіе подвига“ что тебѣ, конечно, въ этомъ видѣ, сдѣлать никогда не удастся.

Сказавши это, старая волшебница исчезла.

Розанчикъ долго не могла придти въ себя отъ изумленія и страха, и закрывъ рученками свое крошечное личико, соображала, что ей дѣлать.

Она поняла, что сѣрая кукушка, подслушавшая ея разговоръ съ братомъ, была та самая волшебница лѣса, о ко-

торой ей рассказывали, что она разсердилась на нее и набросила на нее чары. Избавиться я могу, только сдѣлавши три великіе подвига. Какіе подвиги могу я сдѣлать, каждый червякъ меня раздавить; каждый паукъ затянетъ въ свои сѣти и съѣсть, и залившись слезами, закричала отчаянно:

— Братецъ! милый братецъ! гдѣ ты? иди ко мнѣ. Но голосъ ея былъ слабѣ писка той мошки, которая тонетъ въ блескъ лѣтняго дня. Прелестное мѣстечко отъ пруда до ольховаго куста, куда она бѣгала по нѣскольку разъ въ день, представлялось ей безмѣрнымъ пространствомъ, загромаженнымъ горами, поросшими такой густой растительностію и камышами, сквозь которые ей не пробраться во всю жизнь. Откуда все это взялось? думала она—неужели волшебница кукушка зачаровала и все окрестности.

Она не могла еще сообразить, что все это существуетъ только для нея одной, что это тѣ же самыя кочки и травы, черезъ которыя она переступала, не замѣчая ихъ. Но Розанчикъ не долго была въ этомъ заблужденіи. Вдругъ она почувствовала сильный запахъ похожій на запахъ бисквита, осмотрѣвшись, увидала подлѣ себя блестящій пригорокъ самой странной формы, и узнала въ немъ бисквитный пирожокъ, который, идя гулять, она захватила съ собой, чтобы покормить птичекъ и рыбокъ въ прудѣ.—Неужели это тотъ самый пирожокъ? говорила она, какова же я стала сама, если пирожокъ, принесенный мной, кажется горою. Теперь я все понимаю и заливаясь слезами, сказала: Боже мой! Боже мой! лучше умереть.

— Какъ можно такъ говорить, дѣвочка, сказалъ возлѣ нея чей-то голосъ на незнакомомъ ей нарѣчьи; но которое она къ изумленію своему понимала; ты умнѣ насъ, насѣкомыхъ, а говоришь глупости. Если бы все малое умирало, то чѣмъ же бы жила и пополнялась великая природа. Весь міръ держится нами да нашими меньшими братьями, даже невидимыми простому глазу людей. А передъ величіемъ Творца все величины одинаковы, для него нѣтъ ни великаго, ни малаго.

Розанчикъ оглянулась, кто это говоритъ, отступила немного и перепугалась до смерти, увидавши передъ собой въ травѣ свѣтло-зеленое насѣкомое, вдвое больше себя.

— Не бойся меня, добродушно продолжало насѣкомое, я никому не дѣлаю вреда, а зовутъ меня богомолъ, потому что я каждое утро встрѣчаю восходъ солнца, стоя на колѣняхъ, сложивъ на груди переднія лапки, какъ это дѣлаете вы, люди, когда молитесь Богу. Будь, дитя, терпѣлива, и испытаніе твое кончится скорѣе нежели ожидаешь.

— Какъ это возможно! возразила Розанчикъ, я должна для этого совершить три великіе подвига. Что же я могу сдѣлать?.. мошка сильнѣе меня.

— Ты же сейчасъ говорила, что сила не въ силѣ, а въ правдѣ, а я тебѣ скажу, что высшая сила—въ любви. Любовь совершаетъ великіе подвиги, любовь творить чудеса. Люби какъ всегда любила и совершишь великое незаметно. Пока прощай! мнѣ пора къ своимъ.

И богомолъ скрылся въ травѣ.

Неуспѣла дѣвочка вдуматься въ слова богомола, какъ услышала топотъ множества суетливыхъ лапокъ и звукъ новыхъ голосовъ.

— Вотъ такъ находка! кричали они. Бисквитная гора!.. Разнимайте ее скорѣй по частямъ, братцы!.. Разрушайте! Тащите въ наши амбары и кладовыя!.. Да это намъ запасъ на цѣлый мѣсяцъ.

И безчисленное войско муравьевъ, которые Розанчику казались величиною съ большихъ собакъ, набросились на ея бисквитъ и мигомъ разнесли его на части. Боясь, чтобъ они не напали и на нее самое, дѣвочка забилась въ чашу и только что хотѣла забраться въ глубину лиловаго колокольчика, какъ услышала не въ недалекомъ, между сучьями и высокою травой, жалобные стоны. Она остановилась, забывъ о своей опасности, и спросила:

— Кто тамъ стонетъ? что случилось?.. не могу ли я помочь?

— Если хватитъ у тебя силы, помоги мнѣ выбраться изъ сѣти, добрая крошка! услыхала она въ отвѣтъ. Я запутался въ паутинѣ и не могу высвободиться. Еще счастье, что хозяинъ-паукъ отлучился; а то не быть бы мнѣ живымъ!.. Дай-ка лапку, да потяни посильнѣе... Осмотрѣвшись, Розанчикъ увидала, что она стоитъ рядомъ съ невзрачнымъ жучкомъ, котораго по его буро-сѣрой одеждѣ приняла было за высохшій сучокъ. Бѣдняжка дѣлалъ отчаянныя усилія освободиться отъ стянувшей ему крылышки и лапки паутины, и уже ослабѣвалъ въ напрасныхъ усиліяхъ.

Дѣвочка схватила его поперегъ ручонками и, упираясь ногами въ какой-то прутикъ, потянула къ себѣ, что было мочи... Паутина порвалась, жучокъ упалъ на землю, задрывавъ ножками, но мигомъ оправился и только что хотѣлъ было раскланяться и поблагодарить свою спасительницу, какъ надъ ними съ высоты вѣтки раздался голосъ хозяина этого мѣста:

— Эй ты! розовая разбойница!.. Тебя кто просить у меня распоряжаться?.. Красть изъ сѣтей мою дичь!.. Вотъ я тебя, негодная!.. И толстопузый паукъ повисъ надъ головой Розанчика...

— Непозволю!.. Заколю рогами! Растопчу!.. раздался третій голосъ, громкій какъ труба. Онъ до того оглушилъ было бѣдную дѣвочку, что она упала ничкомъ на землю, забилась подъ фіалковый листокъ и оттуда выглядывала, что-то будетъ, кто такой ея страшный защитникъ?

Защитникомъ ея былъ большой майскій жукъ. Увидавъ его почтенные размѣры и страшные рога, паукъ поспѣшилъ спрятаться въ чашу листьевъ. Жучокъ тѣмъ временемъ отчистилъ свои лапки отъ цѣпкой паутины и, расшаркавшись предъ своимъ важнымъ однофамильцемъ, благодарилъ его и за себя и за свою спасительницу.

— Ну, ты, мелюзга, иди своей дорогой! безцеремонно отвѣчалъ ему майскій жукъ. Не для тебя я безпокоился. Эта розовая крошка вчера спасла меня отъ котенка, который

было поймать меня, когда я нечаянно залетѣлъ въ комнату. Глупый котенокъ хотѣлъ поиграть со мной, и поигралъ бы такъ хорошо, что теперь я лежалъ бы въ кучѣ мусора, еслибъ не эта добрая дѣвочка!.. Я сейчасъ узналъ ее. Такія услуги не забываются!..

— Еще бы! подтвердилъ сѣренькій, расправляя крылышки. Я самъ обязанъ ей жизнью и надѣюсь когда нибудь ее отблагодарить.

Сказавши это, онъ распахнулъ свои сѣренькія фалдочки, подъ ними оказался блестящій камзолъ. Майскій жукъ растерялся. Онъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ важнымъ жучкомъ-аристократомъ и протрубивъ звонко: извините! расправилъ крылья, тяжело поднялся и полетѣлъ биться своей большой головою о стволы цвѣтущихъ грушъ и яблонь.

Сѣренькій жучокъ учтиво согнулъ лапку калачикомъ и, обратившись къ Розанчику, сказалъ:

— Сударыня! здѣсь мѣста слишкомъ уединенны и не безопасны. Не угодно ли опереться на мою лапку, я выведу васъ въ лучшую часть сада, къ розовому кусту, гдѣ имѣю постоянную квартиру...

Несмотря на свое грустное положеніе, Розанчикъ улыбнулась, такъ смѣшно показалось ей, что она пойдетъ по саду объ лапку съ сѣренькимъ жучкомъ, и вздохнувъ, приняла его услуги. Только что они собрались пуститься въ свое далекое странствіе, какъ по саду раздались крики: звали домой дѣвочку-Розанчикъ, мать давно хватилась ее и очень беспокоилась, Розанчикъ узнала голосъ матери, онъ показался ей поразительно громокъ, и закричала въ отвѣтъ изо всей мочи... Я здѣсь милая мама, я здѣсь. Мать не слыхала ее! Пискъ комара былъ бы слышнѣе ея призывовъ.

Сколько она ни махала рученками и ни надсѣдалась крикомъ, мать не обратила на нее вниманія. Она обѣжала весь садъ, заглянула за калитку, въ опушку лѣса; нигдѣ не было ея дочки. Между тѣмъ торопливо проходя мимо пруда, она чуть не снесла съ мѣста дѣвочки-Розанчика взмахнувъ своей

юбкой не въ далеѣ отъ кочки, за которой путники притаились... Когда мать Розанчика скрылась въ домѣ, крошка горько зарыдала.

— Позвольте узнать, учтиво промолвилъ сѣренькій кавалеръ, что васъ такъ сильно огорчаетъ?.. Я не имѣю чести знать вашего рода и происхожденія, — никогда еще не встрѣчался съ такими прелестными розовыми крошками, но такіе великаны, какъ та дама, что сейчасъ едва съ ногъ не свалила насъ съ вами, — мнѣ хорошо извѣстны. Это безсердечная порода, которая воображаетъ, что она лучшее созданіе Творца; а на дѣлѣ, каждая пчелка, каждый муравей полезнѣе ихъ. Мы всѣ отъ нихъ много терпимъ! Особенно отъ ихъ безжалостныхъ дѣтей, они то и дѣло насъ убиваютъ и мучаютъ для своей забавы и не хотятъ понять, что мы чувствуемъ страданіе и боль такъ же какъ и они. Намъ бы слѣдовало ихъ ненавидѣть!.. Но мы добрѣе людей: зла не помнимъ и никому не желаемъ; мы только сторонимся и прячемся отъ нихъ. Совѣтую и вамъ слѣдовать нашему примѣру.

Дѣвочка не сочла возможнымъ объяснять своему вѣжливому спутнику въ чемъ дѣло. Она отерла слезы и поспѣшила за нимъ. Розанчикъ поняла, что они путешествуютъ по садовой тропинкѣ, которую она бывало перебѣгала въ два прыжка. Теперь это была для нея дальняя, опасная дорога: она уже начинала проникаться чувствомъ страха безконечно маленькихъ созданій.

По тропинкѣ прыгало множество воробьевъ. Это были ея прежніе друзья, слетавшіеся къ ней по утрамъ, когда она выходила на крыльцо, кормить ихъ крошками хлѣба, теперь они наводили на нее страхъ. Каждый воробей могъ ее клюнуть. Но не даромъ говорится, что стараго воробья на мякинѣ не изловишь. Одинъ сытый воробушекъ, котораго дѣвочка всю зиму кормила, тотчасъ узналъ ее и зачирикалъ, съ удивленіемъ передавая товарищамъ свое открытіе. Воробьи изумились и подняли такой страшный переполохъ, что даже не подумали полакомиться сѣрымъ кавалеромъ Розан-

чика. Умный воробушекъ, чтобы не пугать путешественниковъ, предложилъ всей честной компаніи подняться на кусты и деревья. Вся стая зашуршила крылышками и разсѣлась по вѣткамъ.

Дѣвочка вмѣстѣ съ жучкомъ благополучно достигли розовой клумбы. Она еще по дорогѣ задумала пріютиться въ чашечкѣ какой нибудь розы-центифоліи! Но взглянувъ на какой огромной высотѣ надъ нею колебались душистыя красавицы, она горько вздохнула, понявъ, что затѣяла несбыточное.

Увидавъ ея огорченіе, жучокъ освѣдомился что ее огорчаетъ.

— Не беспокойтесь, сударыня, сказалъ онъ: вы еще не знаете, что я не то чѣмъ кажуся днемъ. Я принадлежу къ знатной породѣ свѣтлѣйшихъ. Мы всю ночь горимъ и блестимъ, освѣщая кусты и травы, и приносимъ пользу насѣкомымъ, освѣщая имъ тьму; облегчаемъ заблудившимъ и запоздалымъ собратьямъ нашимъ путь-дорогу; облетая, сторожимъ ихъ жилища, освѣщая ихъ своими яркими фонарями, чтобы не притаился по сосѣдству никакой хищникъ. За то мы пользуемся вліяніемъ и уваженіемъ разнообразныхъ нашихъ собратій. Между ними я найду сильнаго, крылатаго чернорабочаго, который охотно возьмется каждый день на закатѣ солнца доставлять васъ въ чашечку любой розы, а на зарѣ спускать на землю. Да чего лучше, я сейчасъ отправлюсь на розыски моего родича, майскаго жука, обязаннаго вамъ жизнью, такъ же какъ и я. Онъ будетъ очень радъ и счастливъ служить вамъ.

Не долго думая, свѣтлячокъ исчезъ въ травѣ, на поиски за майскимъ богатыремъ.

Усталая Розанчикъ прилегла, прикрывшись упавшимъ на землю лепесткомъ розы и крѣпко уснула.

Спала она долго. Солнце уже садилось когда ее разбудилъ сильный порывъ вѣтра, и снесъ съ нея одѣяльце. Она вскочила, схватилась за стебель травы и обмерла отъ ужаса. Передъ нею стояло какое-то чудовище, разинувъ бездонную пасть.

— Азоръ! Азоръ! раздался громкій голосъ брата Розанчика. Ісі! что ты тамъ дѣлаешь, негодный!.. Еще розы попортишь пожалуй. На насъ разсердится сестра!.. Ісі!

— Братецъ! Братецъ!.. радостно закричала дѣвочла.

— Что это? сказалъ мальчикъ. Какъ смѣшно проищала какая-то мошка: точно сестра позвала меня!..

— Братецъ! Дорогой!.. Это я! Меня очаровала волшебница! Возьми меня къ себѣ!

— Что за странный пискъ! Надо бы позвать сестру послушать, какая-то букашка завелась на ея розовыхъ цвѣтахъ! воскликнулъ мальчикъ и убѣжалъ вмѣстѣ съ собакой.

Вечеромъ крошка, Розанчикъ съ отчаяніемъ видѣла, какъ суетились въ домѣ ея родителей, какъ бѣгали по рошѣ и по лѣсу съ фонарями, розыскивая ее; слышала какъ плакали ея мать и братъ, какъ отецъ говорилъ, что они обыскали сѣтями весь прудъ, что еслибъ она утонула, то ее нашли бы. На завтра онъ собирался съѣздить въ городъ, заявить о пропажѣ дочери, и обыскать таборъ бродившихъ въ ихъ окрестностяхъ цыганъ.

Незачѣмъ говорить о горѣ домашнихъ, объ отчаяніи бѣдной матери и слезахъ брата, который простить себѣ не могъ, что побѣждалъ на зовъ отца, оставивъ сестру одну въ лѣсу, недалеко отъ пруда.

Разумѣется всѣ поиски оказались напрасны и Розанчикъ жила съ бабочками да жучками.

Хорошо, что она, будучи еще настоящей дѣвочкой, приобрѣла себѣ много друзей между насѣкомыми! Всѣ они любили, защищали и забавляли бѣдняжку кто чѣмъ могъ. На кустъ розъ, гдѣ была ея главная квартира въ столист-ной розѣ, собирались цѣлыя общества: мотыльки разсказывали ей о красотахъ лѣса и полей; пчелки, жужжа, забивались въ алыя чашечки розъ и оставляли въ нихъ часть меда для ихъ крошечной хозяйки; комары и мошки трубили на закатѣ солнца свои концерты, а вечерами слетались свѣтляки и озаряли убѣжище Розанчика блестящей подвиж-

ной сѣтью блестящихъ узоровъ. Едва начинали утромъ щебетать ласточки, майскій жукъ прилеталъ предлагать свои услуги. Умывшись свѣтлою росой изъ чашечки розы, крошка спускалась на землю, или сидя между его распушенными, сильными крыльями, она каталась по саду. Иногда ее сопровождала блестящая свита жуковъ, мотыльковъ и бабочекъ, то сіяя въ яркихъ лучахъ солнышка, то исчезая въ высотѣ и распѣвая на всѣ лады, кто во что гораздъ. Майскій трубачъ, переноса Розанчика изъ одного конца сада въ другой, осторожно опускался съ нею на гряды земляники, которую дѣвочка очень любила кушать, или взлеталъ съ нею на фруктовые деревья. Но вишни, а тѣмъ болѣе груши и яблоки далеко еще не успѣли созрѣть, какъ добрый рогачъ началъ терять силы и въ одно лѣтнее утро, спустивъ Розанчикъ съ розоваго куста на лужокъ, объявилъ ей что имъ надобно проститься, что срокъ его насталъ и пора ему на покой...

Розанчикъ залилась слезами. Жаль ей было своего вѣрнаго друга и работника и не знала она, какъ обойтись безъ его услугъ?..

— Не горюй, милая крошка! сказалъ ей жукъ, такіа добрыя созданія какъ ты всегда найдутъ друзей къ своимъ услугамъ. Обо мнѣ же не плачь! Грустно умирать, не совершивши всего предназначеннаго Творцемъ природы; но когда всѣ Его велѣнія исполнены по мѣрѣ силъ и наступаетъ срокъ уступить мѣсто другимъ, новорожденнымъ созданіямъ, — тогда нечего горевать!

Но несмотря ни на что дѣвочка-Розанчикъ горько плакала, разставаясь съ своимъ старымъ жукомъ.

Вскорѣ ей предстояло еще большее горе: пріятель ея свѣтлячокъ, а за нимъ и его товарищи, становились все тусклѣй и одинъ за другимъ исчезали. Послѣднимъ простился съ нею ея сѣренкій пріятель, обнадеживъ ее почти такою же рѣчью, какъ и майскій жукъ.

На смѣну имъ явились, — зеленые и коричневые, болѣе долговѣчные жучки; но Розанчикъ, принимая съ бла-

годарностью ихъ услуги, уже не сходилась съ ними такъ близко, какъ съ прежними друзьями. Когда поспѣли вишни, сливы и другіе фрукты, ей сдѣлались очень полезны воробы: лакомясь фруктами, они сбрасывали ей на траву, то спѣлую вишеньку, то надклеванное яблочко, съ которымъ иначе трудно было бы справиться крошкѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она не могла уже добраться до мягкаго гнѣздышка своего въ чашечкѣ столитвенной розы,— да онѣ же вскорѣ начали блекнуть и облетать,—Розанчикъ поселилась подъ лопухомъ, у корней большаго сиреневаго куста. Тутъ уже приходилось ей принимать предосторожности отъ жадныхъ пауковъ, отъ древесныхъ лягушекъ, которыя, прячась отъ солнца, иногда заползали въ ея тѣнистое жилище. Она не боялась ихъ и всегда остерегалась, чтобъ не обидѣть даже самаго противнаго червяка, копошившагося въ землѣ; хотя находила ихъ не совсѣмъ пріятными.

Лѣто было въ самомъ разгарѣ. Румяные, сочные фрукты красовались на деревьяхъ; на нивахъ спѣлые колосья клонились къ землѣ.

Въ одинъ очень жаркій день Розанчикъ вышла изъ своего убѣжища посмотреть отчего вдругъ разомъ стемнѣло; грозная, черная туча затянула полъ-неба и все стихло словно въ ожиданіи грозы. „Ахъ! подумала дѣвочка: будетъ ливень!.. Надо хорошенько спрятаться подъ лопушникъ“. А пока она присѣла на прутикъ неподалеку отъ своего куста и смотрѣла какъ разрастается туча и вспыхиваютъ въ ней яркія молніи.

Вдругъ грянулъ громъ и раскатился отъ одного края неба до другаго.

Все въ природѣ всполошилось.

Легкій вѣтерокъ зашумѣлъ верхушками деревъ, приклоня къ землѣ былинки и цвѣты съ запрятавшимися въ нихъ лягушками и букашками; въ чащѣ зелени завозились пташки, ища пріюта; только ласточки, громко чирикаая, рѣяли надъ землею, задѣвая крыльями припавшую къ ней траву.

— Что сидишь на открытомъ мѣстѣ, крошка? чирикнула

одна изъ ласточекъ надъ самой головкой дѣвочки. Уходи! Прячься скорѣе. Развѣ не видишь что готовится.

— Поди прочь! Поди прочь! Поди прочь!.. защебетали хоромъ ласточки. Мы для того и летаемъ, чтобъ сообщить всѣмъ что дождь пойдетъ! Дождь пойдетъ! Дождь пойдетъ!.. По домамъ! По домамъ!

— Спасибо, милыя птички, сказала Розанчикъ. Сейчас спрячусь, я тутъ живу по близости,—успѣю.

Новый ударъ грома заставилъ ее вздрогнуть. Крупныя капли дождя тяжело зашлепали по деревьямъ. Только что дѣвочка подошла къ лопуху, чтобы укрыться подъ него, какъ услышала надъ головой жалобный пискъ.

— Мама! Мама! Гдѣ ты?.. Мнѣ страшно! Мнѣ холодно! пицаль какой-то птенчикъ на сиреновомъ кустѣ.

— Ахъ, бѣдняжка! сказала дѣвочка. Знать малиновка опять улетѣла и забыла въ гнѣздышкѣ своего малютку.

— Нѣтъ, не забыла! прочирикала ласточка, я видѣла малиновку: она за садомъ лежитъ убитая... Кто-то въ нее камнемъ метнулъ и убилъ на поваль!.. Какъ-то выкормится ея малютка?..

— Бѣдный, бѣдный крошка! вскричала Розанчикъ. Если бы я могла подлетать къ нему, то выкормила бы конечно.

— Куда тебѣ кормить большую птицу! засмѣялась, улетаая, ласточка. Ты въ десять разъ меньше и беззащитнѣе нашихъ птенцовъ.

Сказавши это, ласточка исчезла подъ кровомъ той самой крыши, подъ которой скрылись въ ожиданіи дождя братья и родители Розанчика, мысленно ее навѣки схоронившіе.

Вѣра Желиховская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Одесса, 14 апрѣля.

ПЪСЕНКА ЛУННАГО ЛУЧА.

(«LA CHANSON DU RAYON DE LUNE» — PAR GUY DE MAUPASSANT).

Ы ЗНАЕШЬ ли кто я?

Гдѣ родина моя?

Я—рѣзвый лучъ луны!

Взгляни! вотъ мать моя

Съ небесной вышины

Сіяетъ красотой

И гонить мракъ ночной...

Лишь только на поля

Спускаться ночь начнетъ,

Лишь сумракъ упадетъ,

Ужъ сторожить земля

Желанный мой приходъ.

О, какъ привольно мнѣ

Въ полночной тишинѣ

Рѣзвиться и играть!

Люблю я трепетать

Въ былинкахъ и въ листвѣ,

Стелиться по травѣ

Въ прогалинкахъ лѣсныхъ,

И въ волнахъ голубыхъ,

Алмазами горя,

Дрожать... скользить тайкомъ

На берегу морскомъ,

Пока взойдетъ заря...

Порою, люблю мнѣ

Взобраться по стѣнѣ

И начертать свой ликъ

Туманный на окнѣ...

Приникнувши на мигъ

Къ оконному стеклу,

Волшебными лежать

Тѣнями на полу,

Безтрепетно внимать

Таинственнымъ рѣчамъ,

Свѣтятся то здѣсь, то тамъ,

Нѣтъ тайны у людей

Отъ мѣсяца лучей...

Когда же мать моя

Въ морскую глубину

Заглянетъ, и волну

Вздываетъ—я, шала

И трепеща, бѣгу...

На плоскомъ берегу

Колеблю я огни.

Любуясь, какъ они

По лону водъ скользятъ,

Мигаютъ и горятъ,

Съ любовью мать моя

Слѣдитъ за мной съ небесъ.

Зачѣмъ въ дремучій лѣсъ
 Спѣшу проникнуть я —
 И лѣса мракъ ночной
 Разсѣявъ быстро мной.
 Въ ложбину загляну,
 Въ ущелье горъ блесну...
 Въ оврага глубинѣ,
 Воспрянувши отъ сна,
 Лань робкая, полна
 Томленья, въ тишинѣ
 Полночной чутко ждетъ,
 Дыханье затаивъ...
 Ей слышится призывъ
 Тайнственный... Но вотъ,
 Среди тиши лѣсной
 Защелкалъ соловей,
 Лаская слухъ своей
 Подруги молодой, —
 Вотъ кроликъ! Пробужденъ
 Волшебнымъ свѣтомъ, онъ
 Воспользоваться мнитъ
 Свободою ночной
 И радостно бѣжитъ
 Къ посеребренной мной
 Прогалинкѣ лѣсной.

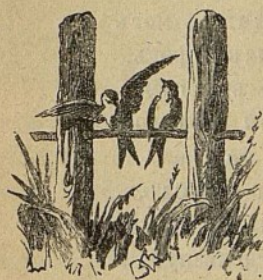
Для молодой души
 Я чрезъ блаженный рай
 Несу въ ночной тиши, —
 Несчастливымъ же покой
 И миръ спѣшу пролить,
 Хотя на мигъ, въ сердца...

И люблю мнѣ слѣдить
 Какъ съ блѣднаго лица
 Слетаетъ скорби слѣдъ...
 Но чуть блеснетъ разсвѣтъ,
 Затеплится звѣзда
 Въ сіяньи золотомъ —
 Предвѣстница утра —
 Простите! мнѣ пора!
 Въ пространствѣ голубомъ
 Теряюсь я тогда...

Ты знаешь ли меня?
 Я — рѣзвый лучъ луны!
 Зачѣмъ, ты спросишь, я
 Спускаюсь съ вышины?
 О, ночи такъ темны!
 Ты-бъ заблудиться могъ
 Среди лѣсныхъ дорогъ,
 Теряющихся въ мглѣ,
 Наткнулся бы на стволъ,
 На выступъ на скалѣ
 Во мракѣ бы набрѣлъ,
 Блуждалъ бы по холму
 Песчаному, скользнуть
 Ты могъ бы съ крутизны
 Въ объятія волны,
 Но я хочу, чтобъ путь
 Твой вѣренъ былъ и вотъ
 Зачѣмъ съ той вышины
 Лишь сумракъ упадетъ,
 Лишь отлетитъ заря,
 Спускаюсь тихо я...

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

А ДРУГОЙ день мы гуляли съ учителемъ по прохладнымъ рощамъ банановъ, лимоновъ, липъ и другихъ деревьевъ, или бродили около домиковъ туземцевъ, наблюдая какъ они обрабатываютъ грядки таро или ткуть туземныя ткани.

Между прочимъ, онъ сообщилъ намъ какимъ способомъ у нихъ введено христіанство. Три года тому назадъ, говорилъ онъ, были привезены сюда миссіонеры на небольшомъ суднѣ. Начальникъ острова обѣщалъ хорошо обращаться съ пріѣхавшими учителями; но лишь только они высадились и ихъ лодка вернулась на судно, туземцы бросились на пріѣзжихъ, осыпали ихъ побоями и изорвали на нихъ платья, къ нимъ поспѣшили на помощь свои.

Спустя два года, миссіонерское судно вновь посѣтило эти острова. Меня высадили на этотъ островъ, а черезъ годъ привезли ко мнѣ и жену. Когда меня подвезли къ острову, бурунъ былъ такъ высокъ, что лодка не могла пристать къ берегу, тогда я въ одной рубашкѣ и штанахъ, съ нѣсколькими экземплярами катихизиса, бібліи и переводами священнаго писанія съ англійскаго языка на языкъ острова

Манго, прыгнуть въ море и на гребнѣ волны выплыть на берегъ. Туземцы помогли мнѣ взобраться, но увидя что на мнѣ нѣтъ ничего дорогого, оставили въ покоѣ, тутъ я и остался. Сначала туземцы молча слушали меня, и смѣялись, когда я проповѣдывалъ Евангеліе, а иногда и дурно обращались со мной; но я твердо говорилъ, что надобно отказаться отъ грѣшнаго образа жизни, сжечь идоловъ и обратиться ко Христу.

Черезъ мѣсяцъ по моемъ прибытіи начальникъ острова умеръ, мѣсто его заступилъ сынъ, въ настоящее время самый преданный сынъ церкви, тогда же еще язычникъ. Здѣсь существуетъ обычай по смерти начальника душить его женъ и хоронить ихъ съ нимъ вмѣстѣ. Зная это, я поспѣшилъ въ домъ начальника, чтобы спасти несчастныхъ. Двѣ жены были уже убиты, третью при мнѣ додушили. Я упросилъ сына пощадить четвертую, но она вскорѣ раскаялась въ своемъ согласіи пережить мужа и упрекая себя, какъ бы въ невѣрности, упросила задушить ее, что и исполнили.

Наслѣдникъ мрачный какъ ночь расхаживалъ около жилища отца, я вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ домъ покойнаго, и къ удивленію увидаль, что онъ живъ и сидитъ на циновкѣ.

Тогда я вспомнилъ, что на островѣ существуетъ обычай, когда начальникъ становится старъ и неспособенъ править народомъ, тогда его заживо хоронятъ. Такъ его и схоронили въ одну могилу съ женами. Сердце мое раздиралось при видѣ всего этого, и я молилъ Бога скорѣе просвѣтить несчастныхъ. Молитва моя была услышана. Спустя недѣлю, наслѣдникъ-начальникъ принесъ ко мнѣ своихъ идоловъ, бросилъ ихъ къ моимъ ногамъ и просилъ ихъ сжечь. Я обнялъ его съ радостными слезами, мы развели костеръ и при громадномъ, стеченіи ужасавашагося народа—сожгли идоловъ.

Съ этого времени миссія процвѣтаетъ. Все племя приняло христіанство, и я надѣюсь, что между туземцами есть много истинныхъ христіанъ, а въ прошедшемъ году еще не было ни школы, ни церкви. Другія племена, продолжалъ учи-

тель, негодуютъ за то, что мы сожгли своихъ боговъ и угрожаютъ истребить его. Но съ нами Богъ, чего же бояться...

— Много ли на этихъ моряхъ станцій у миссіонеровъ? спросилъ я.

— У лондонскихъ миссіонеровъ много на островахъ Таити, и на другихъ этой же части океана. Методисты заняли острова Фиджи. У американцевъ много станцій на другихъ группахъ, по большей же части тутъ острова, на которыхъ и не слыхали о христіанствѣ.

Въ полдень мы возвратились въ селенье и любовались на группу небольшихъ домиковъ.—Когда туземцы были окрещены, я заставилъ ихъ, говорилъ учитель, строить себѣ дома; а когда дома были готовы, я велѣлъ зажечь костры и положилъ на него кораллы, кораллы, на огнѣ сгорая, превращались въ бѣлый порошокъ, которымъ они и бѣлятъ свои хаты. Желая устроить себѣ какую нибудь мебель, я устроилъ себѣ токарный станокъ, и выточилъ на немъ ножки къ дивану. Начальникъ увидя ихъ пришелъ въ восторгъ, схватилъ, бѣгалъ съ ними по деревнѣ, и показывалъ туземцамъ, за тѣмъ привязалъ къ ножкѣ шнурокъ и повѣсилъ себѣ на шею.

Мы проводили учителя до его дома. Когда остались одни, Джекъ сказалъ, застегивая свою курточку:—ну ребята, я отправлюсь смотрѣть на битву, хочу имѣть понятіе о ихъ способѣ сражаться и судить о нихъ основательно. Битва въ шести миляхъ отсюда, мы безопасно можемъ смотрѣть на нее, а вы, идете со мной?

— Конечно, отвѣтилъ Петеркинъ.

XXVI.

Битва.—Сцены жестокости.

Послѣ двухъ часовъ ходьбы мы пришли на мѣсто битвы—это была обнаженная вершина горы, обыкновенно дикари сражаются въ кустахъ, но жители острова Манго — на мѣ-

стахъ открытыхъ. Сраженіе еще не начиналось. Мы спрятались въ скалахъ и стали наблюдать за ними.

Сражающіеся стояли лицомъ къ лицу, выстроившись въ ряды, передовые были вооружены копьями, второй рядъ—дубинами, въ третьемъ ряду стояли молодые люди съ пращами, а за ними женщины съ корзинами камней, запасными копьями и дубинами. На головахъ воиновъ было надѣто что-то въ родѣ шапокъ, украшенныхъ перьями, а тѣло разрисовано самымъ пестрымъ образомъ, чтобы казаться страшнѣе.

Вскорѣ послѣ нашего прихода началась атака, дикари бросились другъ на друга—схватка была ужасная. Они размахивали дубинами, прыгали, скакали, кричали, вопили, повергая другъ друга на землю. Женщины страшно развирѣпли, и защищая мужей, бросали въ противниковъ камни. Битва шла не долго. Отдаленные отъ насъ ряды были вырѣзаны. Мы поспѣшили вернуться въ христіанское селеніе.

На слѣдующій день, позавтракавши съ учителемъ, мы рассказали ему наше намѣреніе. Онъ отговаривалъ, — жаль бѣдную Аватею, добавилъ онъ, но едва ли вамъ удастся спасти ее, можете погибнуть въ этой попыткѣ.

— За хорошее дѣло не страшно умереть, возразилъ Джекъ.

Учитель одобрительно улыбнулся и помолчавъ, согласился проводить насъ.

Мы отправились на шкуну и наполнили ее туземцами, вскорѣ явился учитель—и мы отплыли.

Бросивши якорь противъ языческаго селенія, салютовали залпомъ изъ нашей пушки и выкинули британскій флагъ, на берегу показалась тревога, когда же увидали что мы не имѣемъ намѣренія вредить, то туземцы сѣли въ челны и приблизились къ намъ. Учитель объяснилъ имъ, что мы желаемъ переговорить съ начальникомъ острова и просилъ его на шкуну.

Въ ожиданіи отвѣта, мы разговаривали съ учителемъ о благотворномъ вліяніи христіанскаго ученія, а спутники

наши, лежа на палубѣ, одни читали Новый завѣтъ въ переводѣ на туземный языкъ, другіе—буквари, молитвы, кто пѣлъ гимны и молился объ обращеніи язычниковъ.

Спустя нѣсколько времени, къ шкунѣ приблизился челнокъ, изъ него выскочило нѣсколько дикарей, они объявили что Тараро занять важными дѣлами и не можетъ прибыть на шкуну, а приглашаетъ насъ къ себѣ. Учитель отвѣтилъ что мы немедленно приѣдемъ.

Джекъ отправился безъ оружія и товарищамъ посовѣтовалъ сдѣлать тоже.

Вступивъ на берегъ, мы были привѣтствуемы громкими криками дикарей, они проводили насъ къ дому начальника, гдѣ намъ приготовлено было угощеніе, и объявлено что начальникъ отправился въ храмъ, намъ же остается только подождать его.

— Хорошо, сказалъ Джекъ, въ такомъ случаѣ мы пойдемъ въ храмъ посмотрѣть ихъ религіозные обряды. Учитель отказался, не желая входить въ храмъ языческій, а мы послѣдовали за Джекомъ банановыми рощами до холма возвышающагося за селеніемъ, на которомъ находился ихъ храмъ. Изъ-за кустовъ мы увидали толпы туземцевъ размаляванныхъ разноцвѣтными красками, они съ ужасными криками стремились къ храму, а среди толпы нѣсколько человѣкъ несли на четырехъ доскахъ съ дюжину связанныхъ людей.

— Не лучше ли намъ возвратиться къ себѣ, сказалъ я, это ужасно—они будутъ ихъ мучить.

— Они не живые, отвѣчалъ Джекъ.

Это были, какъ я узналъ послѣ, люди убитые въ сраженіи бывшемъ наканунѣ, и должны были быть поднесены богамъ, потомъ съѣдены. Среди толпы вели связаннаго человѣка. Онъ шелъ твердо и равнодушно. Въ хвостѣ процессіи были женщины и дѣти, мы присоединились къ нимъ и вошли за ними въ храмъ. Это было круглое, съ одной стороны открытое зданіе,—гдѣ за столомъ сидѣлъ на скамьѣ старый жрецъ,

а передъ нимъ лежали деревянный ножъ, копьѣ, дубины и много другихъ вещей посвященныхъ божеству.

Убитыхъ разсадили передъ храмомъ, вызвали оратора, онъ возложилъ имъ на головы руки и началъ ихъ бранить, кричать и разгораясь, что есть силы толкнулъ ихъ ногою и бросился бѣжать сопровождаемый хохотомъ хлынувшей впередъ толпы. Жрецъ разсѣкъ трупы на части а затѣмъ понесли ихъ жарить...

Неподалеку отъ храма былъ разведенъ громадный костеръ съ накаленными камнями, тутъ положили убитыхъ и прикрыли.

Затѣмъ толпа съ ужасающимъ воплемъ бросилась къ холму, на которомъ виднѣлся срубъ дома—мы послѣдовали за ними и увидали что дикари обступили лежащую подлѣ сруба балку, у конца балки была вырыта глубокая яма, подлѣ ямы стоялъ человѣкъ съ связанными руками, — руки ему развязали, оставя связанными только ноги, балку вставили въ яму, съ ней вмѣстѣ опустили туда и человѣка, засыпали все землей и притоптали ногами. Такой обрядъ совершали при освященіи храма и при постройкѣ дома для начальника.

— Скорѣй пойдемъ отсюда, сказалъ Джекъ, блѣдный какъ полотно. Довольно насмотрѣлись!

— Послѣ всего видѣннаго мы потеряли надежду спасти Аватею.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОЗА.

РЕЛЕСТНАЯ центифольная или столитвенная роза, царица наших садовъ, явилась къ намъ съ Востока. Жаркая и безоблачная Персія и теперь еще можетъ считаться страшною цвѣтовъ. Риттеръ говоритъ про Тегеранъ: „Роза растетъ здѣсь въ такомъ совершенствѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ; нигдѣ за нею такъ не ходятъ, нигдѣ ее такъ высоко не цѣнятъ; сады и дворы переполнены розами, всѣ залы уставлены горшками розановъ, каждая баня усыпана розами, постоянно замѣняющимися все новыми съ неистойщими розовыхъ кустовъ“. На Иранскомъ плоскогорьѣ, недалеко отъ Испагани, есть долина Ширазъ—рай розъ и винограда. Дѣйствительно мѣстности нѣкоторыхъ долинъ этого плоскогорья, благодаря своей необыкновенно богатой и роскошной растительности, представляются въ видѣ волшебнаго сада, гдѣ розы и виноградъ вьются около гробницъ великихъ поэтовъ Востока—Гафиза и Саади. Такая растительность всего роскошнѣе на сѣверныхъ склонахъ плоскогорья, обращенныхъ къ Каспій-

скому морю, а именно: въ Галанѣ, Азербайджанѣ, древней Мидіи, въ Мазандеранѣ и Дагестанѣ, древней Гаракли, такъ что эти мѣстности могутъ назваться страною цвѣтовъ и поэтовъ. Ничто не оказываетъ такого огромнаго вліянія на человѣка и его исторію, какъ природа. Поэтому понятно, что высокій Иранъ произвелъ благородную отрасль кавказскаго племени, которая нѣсколько разъ сходила на низменности Индіи, покорила индусовъ, и созрѣвши и окрѣпши подъ вліяніемъ роскошной природы и тропическаго климата на берегахъ Инда и Ганга, породила высокую цивилизацію, до которой впослѣдствіи достигла Греція. Пѣсни Веды, эти древнѣйшія преданія кавказскаго племени, отражаютъ зарю позднѣйшей цивилизаціи всего міра.

Древніе греки уже во времена эпоса знали розу, сначала по наслышкѣ, потомъ по аромату розоваго масла, привозимаго къ намъ съ Востока. Объ этомъ маслѣ упоминаетъ Гомеръ въ своей Илліадѣ, говоря, что Афродита *) умастила тѣло убитаго Гектора розовымъ масломъ. Наконецъ въ Греціи сталъ извѣстенъ и самый цвѣтокъ, который былъ привезенъ туда чрезъ Фригію, Фракію и Македонію. Геродотъ говоритъ, что у подошвы горы Бермюна, въ Македоніи, находились такъ называемые сады Мидаса: тамъ росли сами собою 60-ти-лиственные розы, запахъ которыхъ былъ чудеснѣе всѣхъ остальныхъ. Знаменитая греческая поэтеса Саффо воспѣвала розы и въ одной изъ своихъ поэмъ говоритъ: **)

„Если бы боги захотѣли увѣнчать цвѣты короною, то надѣли бы ее на розу. Роза—красота земли, она придаетъ блескъ листьямъ, взглядъ цвѣтамъ, румянецъ лугамъ; роза, цвѣтокъ Афродиты, она вдохновляетъ любовью, убирается въ свои ароматные листья, гордится своими тонкими лепестками, которые такъ ярко улыбаются зефиру“.

*) Афродита грековъ, Венера римлянъ—богиня красоты.

**) Отрывокъ этотъ взятъ изъ сочиненія г. Rederez-Saint-Remy „Les Poésies de Sapho, который перевелъ его съ греческаго.

Розы были извѣстны и израильтянамъ, въ нѣкоторыхъ ветхо-завѣтныхъ книгахъ о ней упоминается. Пророкъ Осія, жившій въ VIII-мъ вѣкѣ, говоритъ: „Я буду росой для Израиля, и онъ процвѣтетъ какъ роза въ долинѣ“. Въ Пѣсняхъ Пѣсней царя Соломона мы находимъ слѣдующія слова: „Я полевой цвѣтокъ саронскій; я роза долины“. Далѣе: „Какъ роза межъ терній, такъ подруга моя между дочерьми Израиля“. Но прибавимъ, что роза была извѣстна грекамъ гораздо ранѣе чѣмъ евреямъ. Греки, а потомъ и римляне знали всего четыре вида розъ. Изъ Греціи роза перешла въ Италію вмѣстѣ съ греческими колоніями и отсюда разошлась уже по всему остальному міру. Плиній перечисляетъ до 10-ти разновидностей центифольной розы и самую древнюю считаетъ бѣлую розу. Греческая міѳологія говоритъ, что алая окраска розъ произошла отъ крови Адониса. Афродита пролила столько слезъ, услыхавъ о смерти своего возлюбленнаго, что слезы эти на землѣ превратились въ анемонъ, а кровь Адониса окрасила розу. Другое міѳологическое сказаніе говоритъ, что Афродита, узнавъ о смерти Адониса, бросилась къ нему черезъ кусты шиповника, о шипы котораго испарала себѣ ногу и кровь ея превратила бѣлую розу въ алую. Какъ бы то ни было, но роза казалась равно символомъ любви, какъ и символомъ смерти. Говорятъ, что мѣсячная роза сначала разводилась въ Казанѣ, и родоначальникомъ ея считалась дамаская роза, привезенная изъ Дамаска. Въ древнія времена розами славился островъ Родосъ. Римляне очень любили эти цвѣты и распространяли это растеніе повсюду, а самые цвѣты играли немаловажную роль въ ихъ жизни и въ ихъ міѳологіи, которая говоритъ, что Вакхъ или Діонисій, богъ цвѣтовъ, жилъ въ цвѣточной странѣ Фалладѣ, изобиловавшей розами и, женившись на Аріаднѣ, свилъ ей брачный вѣнокъ изъ розъ, и въ послѣдствіи вѣнокъ этотъ онъ перенесъ на небо въ видѣ созвѣздія. Юпитеръ или Зевсъ послѣ своей побѣды надъ титанами былъ увѣнчанъ вѣнкомъ изъ розъ. Вѣнками

изъ розъ украшали идоловъ, такіе же вѣнки надѣвались жрецами во время жертвоприношеній, ими украшали самые алтари и животныхъ, приносимыхъ въ жертву. Позднѣе, въ Римѣ, цвѣтами изъ розъ украшали себя во время различныхъ торжествъ, вѣнки изъ розъ надѣвались на головы побѣдителей и ими украшали дома новобрачныхъ. Мореходцы при счастливомъ возвращеніи на родину убирали розами свои суда и вѣнками изъ нихъ обвивали мачты и снасти; ими же обвивали могилы любимыхъ существъ. Въ эпоху самой сильной роскоши и испорченности нравовъ въ Римѣ, любовь къ розамъ доходила до безумія. Говорятъ, что Веррѣ, пропреторѣ въ Сициліи, велѣлъ носить себя на носилкахъ, лежа на подушкахъ изъ розъ и держа въ рукахъ кружевную сѣточку, наполненную розами. Читая лирическія и элегическія стихотворенія, мы видимъ, что въ Италіи, какъ и въ Греціи, роза была повсюду вплетена во всѣ жизненные наслажденія. Во время пиршествъ столъ пирующихъ былъ заваленъ розами, полъ посыпался розами, а во время попоекъ часто надѣвали на головы розовые вѣнки, украшали ими чаши, кубки, усыпали комнату, гдѣ происходило пиршество, толстымъ слоемъ розовыхъ лепестковъ, ими же набивали подушки, на которыхъ возлежали во время пира, ими осыпали гостей и иногда такъ щедро, что гости задыхались подъ цвѣтами. Человѣкъ въ розовомъ вѣнкѣ и пьяный въ то время были синонимами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что розовые сады существовали всюду, въ городѣ и за городомъ, отъ Рима вплоть до Кампаньи и Пестума. Но для римлянъ мало было имѣть розы лѣтомъ, они хотѣли наслаждаться ими и зимою. Чтобы удовлетворить римской потребности къ розамъ, цвѣты эти привозились зимою изъ Александріи и Новаго Кароагена, на судахъ.

Въ средніе вѣка роза тоже не была забыта. Поэты восхваляли розу въ своихъ поэмахъ, художники не забывали ее въ своихъ картинахъ, и она, вмѣстѣ съ лиліей, была символомъ красоты. Напомнимъ о войнѣ Красной и Бѣлой розы,

этой борьбѣ двухъ англійскихъ королевскихъ родовъ, и перейдемъ къ папской золотой розѣ и миѳической русалкѣ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, въ томъ числѣ и русскихъ.

Въ древніе и средніе вѣка цвѣты играли важную роль въ весеннихъ празднествахъ, и изъ нихъ въ особенности розы и лиліи. „Въ четвертое воскресенье великаго поста, какъ говоритъ Генъ въ своей превосходной книгѣ „Культурныя растенія и домашнія животныя“, папа, весь въ бѣломъ, освящаетъ, въ присутствіи коллегіума кардиналовъ, въ капеллѣ, украшенной розами, на алтарѣ, золотую розу, которая потомъ дарится, какъ приносящая благодать, государямъ, государынямъ, церквамъ и городамъ. Папа погружаетъ ее въ бальзамъ, окуриваетъ еиміамомъ, кропитъ святою водою и обращается между тѣмъ съ молитвою ко Христу, какъ къ полювому цвѣтку и лиліи долины...“

„Начало этого обычая, продолжаетъ Генъ, коренится въ древне-римскомъ представленіи о розѣ, какъ цвѣткѣ жизни и тлѣнности, который въ рукѣ побѣдителя означаетъ, какъ славу и радость, такъ и его тлѣнность и смиреніе“. Въ высшей степени интересны славянскія русалки, какъ живое доказательство, что въ душѣ народа, еще одолѣваемаго обожаніемъ природы, образуются миѳическія олицетворенія изъ микроскопическихъ обстоятельствъ, созвучій именъ, общихъ понятій, чужестранныхъ культурныхъ вліяній. Праздники розъ, *rosaria*, *rosalia*, праздновались еще въ позднѣйшемъ Римѣ, въ разные майскіе и іюньскіе дни, и состояли въ украшеніи могилъ розами и въ общихъ пирахъ, при которыхъ участникамъ раздавались розы, какъ даръ того времени года. Обычай этотъ перешелъ и къ провинціи, и былъ въ употребленіи въ Восточной Римской имперіи, подъ видомъ деревенскаго праздника, называемаго розаліями, на Дунаѣ, въ Далмаціи, Понноніи, Мезіи. Въ христіанское время приходящійся въ маѣ Троицынъ день примкнулъ также къ розаліямъ: онъ назывался *pascha rosata* или *rosarum* (на

римскомъ народномъ языкѣ еще и теперь называется *pasqua rosa* или, по недоразумѣнію, *pa'scha rugiada*) и въ Троицынъ день, такъ называемый *dominica de rosa*, бросали розы сверху церкви на полъ. Когда же потомъ въ VI вѣкѣ, толпы славянскихъ народовъ заняли страны около средняго и нижняго Дуная а на востокъ и югъ у Карпатовъ и колебались между язычествомъ и христіанствомъ, тогда естественнымъ образомъ христіанскій праздникъ Троицынъ день, или праздникъ розъ, совпалъ съ языческо-варварскимъ праздникомъ весны. У славянъ, сербовъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ и у словаковъ, праздникъ Троицынъ, или около того времени отправляемый другой весенній праздникъ природы, назывался *rusaliga*. Потомъ изъ праздника развилось у бѣлоруссовъ и у одной части малоруссовъ представление о сверхъ естественныхъ женскихъ существахъ, одушевляющихъ въ это время поля и лѣса, о русалкахъ—этомъ мифическомъ отраженіи бѣгающей, смѣющейся, вьющей вѣнки и вопрошающей выдуманнаго оракула славянской дѣвушкѣ.

Нашъ народъ еще и до сихъ поръ вѣритъ въ русалокъ, такъ что народный праздникъ, который празднуется въ седьмой четвергъ по Пасхѣ, называется Семикомъ, и самая недѣля этого четверга называется семицкой или руссальной. Народъ нашъ представляетъ себѣ русалокъ въ видѣ красивыхъ женщинъ съ зелеными или каштановыми, всегда распущенными волосами, и принимаемыхъ за души самоубійцъ, преимущественно утопленницъ. Онъ говоритъ, что русалки до Троицына дня живутъ въ водѣ и очень рѣдко выходятъ на землю и то только ночью, чтобы поиграть при мѣсяцѣ. Съ Троицына дня онѣ постоянно живутъ на землѣ, плетутъ вѣнки изъ осоки и древесныхъ вѣтвей, преимущественно дуба и клена и сидятъ на мельничномъ колесѣ. Бѣда тому, кто увидитъ русалку; она обниметъ его и, напѣвая пѣсню, начнетъ щекотать, сначала тихо, потомъ все сильнѣе, станетъ хохотать все громче и громче, и наконецъ, защекотитъ до смерти. Чтобы отдѣлаться отъ русалки, надо показать

ей или полынь или зорю. Говорятъ, что русалка, при встрѣчѣ съ дѣвушкой, спрашиваетъ ее: „Что у тебя полынь, или петрушка?“ и если дѣвушка отвѣтитъ полынь, то разсерженная русалка бѣжитъ отъ нее прочь со словами: „Ты сама линь.“ Если же испуганная дѣвушка, забывшись, отвѣтитъ, „петрушка“, то русалка радостно закричитъ: „Ты моя душка!“ обниметъ и защекочетъ ее до смерти. Кромѣ того, въ Малороссіи вѣрятъ еще въ мавокъ, тоже русалокъ, только дѣтей. Народъ говоритъ, что это души дѣтей умершихъ безъ крещенія, и что будто бы мавки жалобно кричатъ: „Меня мати народила, некрещену положила!“ Кто услышитъ этотъ жалобный крикъ, долженъ тотчасъ сказать: „Иванъ да Марья! Крещаю тебя во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Этими словами будто бы они получаютъ крещеніе и немедленно уносятся въ рай; но если случится, что никто не услышитъ ихъ крика и никто ихъ не окреститъ, то онѣ послѣ семи лѣтъ становятся настоящими русалками. Въ Малороссіи говорятъ, что на зеленныя святки (такъ называется тамъ та недѣля, которой начинается Троицынъ день), русалки ходятъ по деревнямъ, крадутъ солому и птичьи перья, изъ которыхъ вьютъ себѣ гнѣзда въ своемъ подводномъ царствѣ. Поэтому-то на этой недѣлѣ ни одинъ малороссъ не выйдетъ изъ дому безъ полыни или зори.

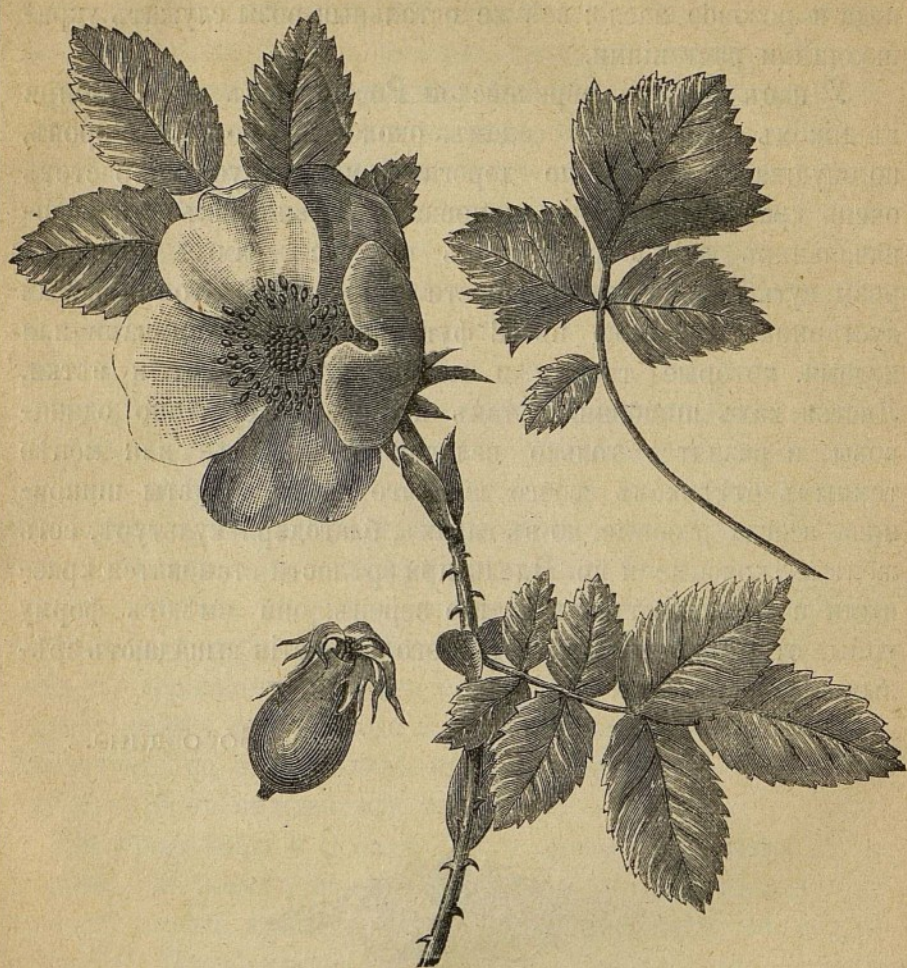
Но продолжаю о розахъ. Хотя розы, перевезенныя съ Востока, въ новомъ своемъ отечествѣ отчасти и утратили ту красоту и тотъ ароматъ, которымъ восхищаются въ своемъ отечествѣ Иранѣ, но все таки въ нашихъ садахъ онѣ остаются лучшими и красивѣйшими цвѣтами. Въ настоящее время существуетъ множество разновидностей розъ, однѣ красивѣе другихъ, напримѣръ французская роза, перевезенная изъ Сиріи во время крестовыхъ походовъ, центифольная, родомъ съ Кавказа, и названная такъ потому, что у ней насчитывается до 100 лепестковъ, дамаская или мѣсячная, мускусная, моховая, чайная и пр. пр. Однѣ изъ нихъ разводятся у насъ въ садахъ, другія въ оранжереяхъ въ горшкахъ. Изъ

розовыхъ лепестковъ преимущественно розы центифольной и мускусной добывается, посредствомъ перегонки, розовая вода и розовое масло; всѣ же остальные розы служатъ украшающими растеніями.

У насъ какъ въ европейской Россіи, такъ и въ Сибири въ дикомъ состояніи по садамъ, около изгородей, заборовъ, по опушкамъ лѣсовъ, по дорогамъ, между кустами растетъ очень красивое растеніе шиповникъ. Шиповникъ есть родоначальникъ всѣхъ розъ, такъ что всѣ самыя красивыя розы суть только разновидности шиповника. Это вѣтвистый кустарникъ вышиною въ 12 футовъ, покрытый шипами или иглами, которые тверды и покрываютъ стволы и вѣтки. Листья какъ шиповника, такъ и розъ совершенно одинаковы и разнятся только величиною и болѣе или менѣе темнымъ оттѣнкомъ своего зеленаго цвѣта. Цвѣты шиповника всегда розовые, но въ садахъ, благодаря культурѣ, есть желтые, красные и пр. Плоды при зрѣлости становятся красными и заключаютъ множество зеренъ, они имѣютъ форму урны, открытой сверху, изъ этого отверстія выпадаютъ зрѣлыя сѣмена.

Е. Бороздина.

ЦВѢТОКЪ ШИПОВНИКА И ЕГО ПЛОДЪ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 сентября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. № 11—2.